

М. Н. Кулаковский

Вставные конструкции как средство создания комического в художественном тексте

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций как средства создания комического в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы первой половины XX в. и тексты современной русской литературы последних десятилетий. В работе определяются наиболее характерные функции вставок в плане формирования авторской иронии, связь вставных конструкций с различными информативными уровнями (в рамках предложения и текста в целом), роль в общей структуре художественного текста. Отмечается важная роль вставок как средства речевой игры автора с читателем, актуализации различных художественных образов, важных для информативного развертывания текста. Автор статьи обращает внимание на новые тенденции употребления вставных конструкций в современной литературе. Выделяются основные способы создания комического эффекта с помощью вставок: взгляд на ситуацию под другим углом зрения, уступка читателю, указание на уже известную комическую ситуацию или ее моделирование, уточнение или неожиданная оценка, интертекстуальное взаимодействие.

Ключевые слова: вставные конструкции, комический эффект, художественный текст, ирония, речевая игра, интертекст, информативный план текста, пространственно-временной план текста, вариативность, оценочность, уточнение.

М. N. Kulakovsky

Parentheses as a Means of Creating Comic in the Art Text

In the article features of use of parentheses as a means of creating comic in the art text are considered. Works of the Russian art prose of the first half of the XX century and texts of modern Russian literature of the last decades are the material to be researched. In the work the most characteristic functions of parentheses are defined in the aspect of formation of author's irony, links of parentheses with various informative levels (within the sentence and the text in general), a role in the general structure of the art text. The important role of parentheses is noted as a means of a speech game of the author with the reader, updating of various artistic images important for informative development of the text. The author of the article draws attention to new tendencies of the use of parentheses in modern literature. The main ways of creating comic effect by means of parentheses are allocated: a view of a situation from another way of looking, concession to the reader, pointing on already known comic situation or its modeling, specification or unexpected evaluation, intertextual interaction.

Keywords: parentheses, comic effect, art text, irony, speech game, intertext, informative plan of the text, existential plan of the text, variability, evaluativity, specification.

Одним из важных элементов экспрессивного синтаксиса в тексте художественного произведения являются вставные конструкции, которые могут выполнять различные функции, в том числе – создавать комический эффект, связанный обычно с определенным противоречием, отклонением от нормы. При этом информативная и позиционная факультативность вставки позволяет в максимальной степени проявиться эффекту неожиданности, который усиливает комическое. Кроме того, попутный характер авторского замечания позволяет наполнить юмор новыми оттенками, сделать его более тонким.

Комический эффект оказывается часто связан с различными формами речевой игры автора с предполагаемым читателем. Именно поэтому вставка может содержать реплику повествователя в связи с моделируемой читательской реакцией на информацию основной части высказывания: *Воробушек же тем временем сел на подаренную черныльницу, на-*

гадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Автор, предвосхищая читательскую улыбку, говорит о серьезности им написанного, чем и усиливает иронию. Таким образом, комизм ситуации (достаточно натуралистической) сглаживается ироничным отношением к ней повествователя.

Вставка может объяснять формально-логическое противоречие, представленное в основном контексте: *Лерман и я – оба попали в энциклопедию. В литературную, естественно, энциклопедию. Лерман на букву... «Ш» (библиография к Шолохову). Я – на букву «О» (библиография к Окуджаве). Какое убожество...* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Вставная конструкция может трансформировать нейтральную информацию основного предложения, изложив ее с прагматической (или былевой) точки зрения: *Чего у нас только нет! – два театра служат искусствам (а один из*

них и чему хотите рад служить) ... (С. Черный. Дневник резонера) [23].

В этом случае базовый акцент в плане комического переносится именно на вставку, основной же контекст выступает в качестве нейтрального «фона», на котором выделяется авторская ирония.

Вставная конструкция может организовывать ситуативное сопоставление. При этом повествователь предлагает читателю смоделировать и сравнить свое поведение в различных ситуациях: *В результате два сомнения – вы злитесь на себя, а попутно и на «добрую знакомую» – тоном глубокого сомнения задаёте себе вопрос (в нормальном состоянии вы этого не делаете): «Не дурак ли я после этого?»* ... (С. Черный. Дневник резонера) [23].

В данном примере нейтральная (фоновая) поведенческая модель представлена уже в вставке, и именно она актуализирует авторскую иронию в основной части высказывания, заставляя читателя вернуться к предтексту.

Создание комического эффекта может быть связано и с тем, что вставная конструкция оформляет изменение точки зрения или оценки на противоположную: *«Доброе имя» (которого и не было никогда в помине) оскорбленного вопиет об отпущении – и оскорбленному нет пощады!* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

При этом авторская ирония может мотивироваться контрастом между реальностью ситуации и традиционностью речевого оформления при ее описании: *Последние завывания на сцене, падает (или, вернее, сползает) занавес, и начинается сцена из Дантова «Ада»* (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21].

Вставная конструкция может актуализировать типичность описываемой ситуации. Автор в этом случае обращается к жизненному опыту читателя, заставляя его вспомнить подобные ситуации и вскрыть комичность их причин: *Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол* (М. Зощенко. Собачий нюх) [9].

Указание на типичность ситуации может подчеркиваться интертекстуальными связями (соотнесением с классической ситуацией): *А время принесет с собой какой-нибудь «тикантный этюд» ... Иван Иванович поссорится с Иваном Никифоровичем (без этого они не могут!) – и доставят немалое развлечение окружающим, выкладывая всю подноготную своих делишек ...* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Кроме того, комичными могут быть и жизненные наблюдения автора, представленные в вставке

и оформленные в виде своеобразного афоризма: *Какой-то злой человек пустил в свет мнение, будто Житомир – музыкальный город. Мнение это усердно поддерживается местными рецензентами (ибо чем музыкальнее город, тем неизбежнее в нем рецензенты) ...* (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21]; *Мгновенно освоился в своем квартале Марэ, избранном и любимом парижской богемой, разузнал, где на рю де Риволи прячется последняя лавочка с нормальными, не туристическими ценами (ибо, как известно, по мере движения к парижской мэрии, а потом к Нотр-Даму или, наоборот, к Лувру стоимость бутылки воды вырастает до стоимости коньяка)* (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос) [13].

Возникающая при этом ирония базируется обычно на противоречии между информацией вставки и основного контекста: *Этими материалами заведовал Герман Беляев, хороший журналист из тех, что «продаются лишь однажды». По существу, он был добрым и порядочным человеком. (Как большинство российских алкоголиков).* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Подобные жизненные наблюдения могут быть оформлены и в виде риторического вопроса: *Дэннис Блэкли – муж или жених... Вскоре мы с ним познакомились. Ясный взгляд, открытое лицо. И совершенно детская улыбка. (Как это они друг друга находят?!)* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Элементом языковой игры является и своеобразная уступка читателю: *«Я извиняюсь, – уже негодую, заговорил Никанор Иванович, – какие тут закуски! (Нужно признаться, хоть это и неприятно, что Никанор Иванович был по натуре несколько грубоват.) – На половине покойника сидеть не разрешается! Вы что здесь делаете?»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Авторская ирония мотивируется нежеланием излагать определенные факты (повествователь делает это, как бы уступая читательскому любопытству).

Элемент уступки может наблюдаться и в речи персонажа: *... Но я делал так: сначала брал вилку, кусочек хлеба (был черный, был белый, честное слово) и ловко отделял мясистые бока наваги от косточки...* (А. Аверченко. Поэма о голодном человеке) [1].

При этом подобная уступка выступает как эмоциональная реакция на восприятие сообщения окружающими (так, элемент «честное слово» – ответ на предполагаемое сомнение адресата).

Одним из приемов создания комического является и отсылка к известной читателю комической ситуации: *... Были некоторые дамы, пострадав-*

ше после сеанса (та, в фиолетовом белье, поразившая Римского, и, увы, многие другие) ... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Автор в этом случае заставляет читателя вспомнить смешную сцену и перенести ее комизм в описываемую (достаточно часто – нейтральную) ситуацию. Таким образом, деталь становится зацепкой для развития комического.

Повествователь может предложить читателю смоделировать вариативную ситуацию, включив в нее известного персонажа, не являющегося участником событий, и представив комизм ее развития: Тут Степа ... отчетливо увидел какого-то странного субъекта – длинного, как жердь, и в пенсне (ах, если б здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого субъекта сразу!) (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Вариативность может быть связана и с функционально-ролевым изменением участников ситуации: Макдональд гостил у короля (собирается ли король гостить у Макдональда, нам неизвестно) ... (С. Черный. Начало сезона) [24].

При этом в основе комизма – авторское сомнение в подобном развитии событий. Странностью сомнения мотивируется и авторская ирония в следующем примере: В целом свете только одна как-кая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее прошел насморк по желанию тетки, которой она надоела непрерывным чиханьем. Все остальные добрые желания (если только они были) оказались слишком вялыми и холодными, чтобы рак мог насвистать их исполнение (Н. Тэффи. Когда рак свистнул) [18].

Вставная конструкция может актуализировать временной план будущего (по отношению к настоящему повествования), позволяя читателю узнать о дальнейшей судьбе героев: Пришлось разъяснить необыкновенный случай с поющими «Славное море» служащими (кстати: профессору Стравинскому удалось их привести в порядок в течение двух часов времени путем каких-то вспрыскиваний под кожу) (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [6].

Создание комического эффекта может определяться неожиданностью реакции повествователя или персонажа произведения: Разве тюрьма, ссылка, каторга, пытки (которые, кстати сказать, к моему доверителю почему-то не применялись), разве все эти ужасы могли бы вырвать из его гордых уст хоть слово признания или хоть одно из имен тысячи его сообщников? (Н. Тэффи. Модный адвокат) [19]; К неграм мы относимся с боязливым пренебрежением. Мы убеждены, что все они насильники и бандиты. Даже косоглазая

Фира боится изнасилования. (Я думаю, зря.) Она говорит: – Зимой и летом надеваю байковые рейтузы... (С. Довлатов. Ремесло) [8].

Вставная конструкция может актуализировать комичную оценку повествователя. В этом случае комизм ситуативный усиливается комизмом оценочным: Приходится всю жизнь толкать перед собой проклятую тару, на которой к тому же (позор, позор!) выведена большая желтая надпись, восхваляющая непревзойденные качества автомобильного масла «Грезы шофера» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) [11]; На днях как-то соблазнился хорошей погодой, взял лодку (верней, корыто) и поехал обозревать наши красоты (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Кроме того, авторская ирония может проявляться и через неожиданность оценки, ее функциональную нецелесообразность в данном контексте: Что, если бы устроители, выбрав строгие и неувядаемые вирши, скажем, Пушкина, Тютчева, Фета, Бунина, Блока (неплохие поэты!), отпечатали их на гектографе и раздали слушателям, а затем ... и сам декламатор, и аудитория пусть вдумчиво прочтут их про себя, тихо переворачивая листочки ... (С. Черный. Узаконенное любительство) [29].

В других случаях неожиданное появление авторской оценки позволяет актуализировать внешне незначимую деталь основного контекста: – Для Средневековья смертность была относительно низкой – процентов двадцать пять, не более... (Не более?! (Д. Рубина. Русская канарейка. Голос) [13].

Одной из характерных для вставных конструкций в художественном тексте является функция уточнения, которая также может быть использована при создании комического эффекта: Там присутствует еще одна красавица, уже несколько отяжелевшая (лет, вероятно, так под девяносто) (Н. Тэффи. Французский роман) [20].

Авторская ирония при подобном уточнении может основываться на информативно-стилевом смещении: И если ее зрачки слегка потеплеют, протяни под столом носок ботинка (со скоростью 2 миллиметров в секунду) и, как дыхание ветра, коснись ее ногой (С. Черный. Руководство для флирта в квартире) [27].

Так, в данном примере нейтральная и образная («как дыхание ветра») информации основного контекста противоречат научной детализации вставки.

Стилевой контраст (осложненный в следующем примере и информативной антитезой) может наблюдаться также внутри вставки: Двух катего-

рий (или гений, или кретин) мало – это свидетельствует только о бедности воображения критика (С. Черный. Советы начинающим критикам) [28].

Уточнение, представленное в вставке, может пародировать известное речевое клише: *Результаты? Игрек был единогласно обвинен с выражением общественного порицания (без занесения в эмигрантский формуляр) ...* (С. Черный. Прискорбный случай) [25].

Элемент пародии на излишнюю детализацию анкет наблюдается и в следующем примере (в рассказе цитируется опросный лист для переписи): *Сколько у вас детей? (Своих, подкидышей, футболистов и денационализированных)* (Дон Аминадо. Всеобщая перепись) [4].

В других случаях основой комического становится своеобразная «нейтрализация» указанных деталей: *После первого курса 806-я наша комната поехала в Пицунду, Черное море. Хохол, Виктор Анатольич Карюкин, я и Миша Смирнов (толстый такой, могучий, низенький мальчик, забудем про него), пограничник Лагутин не поехал, его девушка оставила все так, что деваться некуда, стала матерью и женой ...* (А. Терехов. Бабаев) [17].

В современной литературе вставные конструкции могут актуализировать намеренное отсутствие уточнения или детализации (разрушая образ «всезнающего автора» и заставляя читателя самого найти необходимую информацию): *Однажды во вторник на ул. Серафимы Дерябиной (не знаю, кто такая) стою на втором этаже, возле почтовых ящичков, в обнимку с паровым отоплением* (И. Сахновский. Катастрофа тела) [14].

В других случаях актуализируется намеренная «языковая небрежность» автора, добавляющая яркий ироничный штрих к его портрету (и в какой-то мере сближающая его с читателем): *И затем долго ждали его на причале, наблюдая, как высокая, похожая на норвежку женщина – курчавая, с орлиным профилем, блондинка – встречает пароходы, хватает на бегу брошенный ей с борта канат, набрасывает его петлей на (бакены? швартовы? – мне лень заглядывать в словарь) ...* (Д. Рубина. Вилла «Утешение») [12].

Уточняющая функция вставки может раскрыть авторскую иронию, заложенную в основном контексте: *В номере, обставленном с деловой роскошью (две кровати и ночной столик), послышались конский храп и ржание: Ипполит Матвеевич весело умывался и прочищал нос* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Перечисление составляющих интерьера заставляет читателя вернуться к детали основного предложения и раскрыть комический образ «деловой роскоши».

Детализироваться может и портрет персонажа (через комические нюансы): *Студент склоняет кислое личико набок (бородка – редькой, глазгяделки табачного цвета) ...* (С. Черный. Вечер юмора) [22].

Создание комического эффекта может быть связано с актуализацией причины действия: *К чести просвещенного владельца «Зеленой рожи» – он не обращает своей рожи в дрова, а гранитные берега в бульжники для мостовых (невыгодно, должно быть!) ...* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

При этом представленная причина («невыгодно») вступает в формальное противоречие с оценочным элементом основного контекста («к чести просвещенного владельца»).

Вставка может комически мотивировать и созданный автором образ или его деталь: *Читчики, самые суровые в редакции люди (их сделала такими необходимость прочитывать в день по сто писем, вычерченных руками, знакомыми больше с топором, малярной кистью или тачкой, нежели с письмом), молчали* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Основой комического может стать своеобразная «информативная уступка»: *Чадоло и женолюб, жуир, остро слов и умница, он – вопреки всем представлениям о косности духовного образования – знал девять языков (пять из которых были, впрочем, безнадежно мертвы), защитил блестящую диссертацию по языческим культам ...* (М. Степнова. Женщины Лазаря) [16].

Авторская ирония может проявляться и через элементы цитирования. Например, в следующем примере автор обращает внимание на типичную грамматическую ошибку и через нее актуализирует оценку персонажей: *Старшие их собратья, поэты, уже вошедшие в литературную табель о рангах (среди них даже «любимцы публики обеих полушарий», как писали в уездных афишах о доморожденных Вяльцевых), – показали им соблазнительный пример* (С. Черный. Узаконенное любительство) [29].

В другом случае комичным представляется само содержание цитируемого текста (в данном случае – лозунга): *После ликвидации второго дома собеса (было продано все, включая даже туальденоровый колпак повара и лозунг: «Тщательно пережевывай пищу, ты помогаешь обществу») Альхен решил отдохнуть и поразвлечься* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [10].

Достаточно часто ирония автора связана с мотивировкой речевого оформления высказывания. Так, актуализироваться может часто употребляемое, но не всегда оправданное в контексте слово или выражение: *Пошленькая, прикладная мудрость всегда выручит: всем, мол, не поможешь, а паллиативы (любят у нас это слово) не должны иметь место в здравомыслящем обществе* (С. Черный. Дневник резонера) [23].

Автор может обратить внимание читателя и на орфоэпические особенности речи персонажа: – *Законный процент (в последнем слове она сделала ударение на «о»). А то, может, щец похлебаешь? С обеда осталось. Я б разогрела* (А. Аверченко. Русское искусство) [3].

Речевые особенности могут быть подчеркнуты и таким экзотическим способом, как трудностью (или невозможностью) перевода экспрессивной фразы на иностранный язык (при этом необходимость перевода мотивируется тем, что текст адресован иностранцу): *Но мы на это не обращаем никакого внимания и жарим дальше. (Я не знаю, как по-норвежски «жарить», но вы поймете.)* (Дон Аминадо. Открытое письмо доктору Нансену) [5].

Кроме того, комизм усиливает и уверенность адресанта в адекватном его понимании.

Речевая игра автора может быть построена на соотношении различных лексико-семантических вариантов многозначного слова или омонимов: *Граф Безухов, не доложившись, неожиданно вошел в комнату жены и застал последнюю (она же была и первая у него) в объятиях своего друга князя Болконского* (А. Аверченко. Русские в Византии) [2].

Комический эффект могут создавать и антропони́мы, выступающие в качестве своеобразных контекстуальных синонимов: *Университет имени Жданова. (Звучит не хуже, чем «Университет имени Аль Капоне»...)* (С. Довлатов. Ремесло) [8].

При этом синонимия возникает на основе общей оценки повествователем данных личностей, а синтаксический параллелизм позволяет усилить иронию.

Вставная конструкция может осуществлять эвфемистическую замену в речи персонажа (одновременно характеризуя пропущенный элемент): *«Эт! Разве это опера? Это не опера, а... (следует энергическое слово) – вот в прошлом году»* (С. Черный. «Аида» в Житомире) [21].

Интересно, что комический эффект может возникать и из взаимодействия вставных конструкций между собой. Так, в следующем примере он связан с позиционной вариативностью одинаковых компонентов: *Завтрак в Славянском базаре (селянка, кулебяка и расстегаи), обед у Тестова*

(кулебяка, расстегаи и селянка), ужин у Омона (расстегаи, селянка и кулебяка) ... (С. Черный. Руководство для гг. приезжающих в Москву) [26].

В современной литературе в основе создания комического эффекта часто лежит интертекстуальное взаимодействие. Такое соотношение усложняет информативную структуру произведения, делая ее более многоплановой и разветвленной, а авторскую иронию – более тонкой: *Безупречно выполненный приказ как будто вычеркнул из числа живых не только нелепого подростка (экспертиза показала, что невинно убиенный был накачан брагой до миндалин, до детских припухших желез), но и самого Огарева* (М. Степнова. Безбожный переулочек) [15]; *Арсений часами наблюдал за качанием ее вымени и иногда припадал к нему губами. Корова (что в вымени тебе моем?) не имела ничего против, хотя всерьез относилась лишь к утренней и вечерней дойке* (Е. Водолазкин. Лавр) [7].

Таким образом, проведенный анализ показал, что вставные конструкции могут играть важную роль при создании комического эффекта в художественном тексте. В частности, авторская ирония может выражаться с помощью взгляда на ситуацию под другим углом зрения, уступки читателю, указания на уже известную комическую ситуацию или ее моделирования, уточнения или неожиданной оценки, интертекстуального взаимодействия, которые формируют общую систему речевой игры с читателем.

Библиографический список

1. Аверченко, А. Т. Поэма о голодном человеке [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 151–155.
2. Аверченко, А. Т. Русские в Византии [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 188–191.
3. Аверченко, А. Т. Русское искусство [Текст] / А. Т. Аверченко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 184–187.
4. Аминадо, Д. Всеобщая перепись [Текст] / Д. Аминадо // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 246–247.
5. Аминадо, Д. Открытое письмо доктору Нансену [Текст] / Д. Аминадо // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 258–260.
6. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Текст] / М. А. Булгаков // Белая гвардия; Мастер и Маргарита. – Минск : Ураджай, 1988. – С. 16–270.
7. Водолазкин, Е. Г. Лавр [Текст] / Е. Г. Водолазкин. – М. : Редакция Елены Шубиной, 2013. – 448 с.
8. Довлатов, С. Д. Ремесло [Текст] / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – С. 7–212.
9. Зоценко, М. М. Собачий нюх [Текст] / М. М. Зоценко // Сатира и юмор первой половины XX века. – М. : Дрофа, 2002. – С. 313–315.

10. Ильф, И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. – М.: Художественная литература, 1992. – С. 4–304.

11. Ильф, И. А., Петров Е. П. Золотой теленок [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. – М.: Художественная литература, 1992. – С. 306–620.

12. Рубина, Д. Вилла «Утешение» [Текст] / Д. Рубина // Полное собрание рассказов в одном томе. – М.: Эксмо, 2011. – С. 483–504.

13. Рубина, Д. Русская канарейка. Голос [Текст] / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с.

14. Сахновский, И. Ф. Катастрофа тела [Текст] / И. Ф. Сахновский // Нелегальный рассказ о любви. – М.: Астрель, 2009. – С. 224–231.

15. Степнова, М. Л. Безбожный переулочек [Текст] / М. Л. Степнова. – М.: АСТ, 2014. – 384 с.

16. Степнова, М. Л. Женщины Лазаря [Текст] / М. Л. Степнова. – М.: АСТ, 2012. – 444 с.

17. Терехов, А. М. Бабаев [Текст] / А. М. Терехов // Это невыносимо светлое будущее. – М.: Астрель, 2009. – С. 7–204.

18. Тэффи, Н. А. Когда рак свистнул [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 33–37.

19. Тэффи, Н. А. Модный адвокат [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 29–32.

20. Тэффи, Н. А. Французский роман [Текст] / Н. А. Тэффи // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 84–87.

21. Черный, С. «Аида» в Житомире [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 99–101.

22. Черный, С. Вечер юмора [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 101–103.

23. Черный, С. Дневник резонера [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 88–99.

24. Черный, С. Начало сезона [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 111–113.

25. Черный, С. Прискорбный случай [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 139–142.

26. Черный, С. Руководство для гг. приезжающих в Москву [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 104–105.

27. Черный, С. Руководство для флирта в квартире [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 105–106.

28. Черный, С. Советы начинающим критикам [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 103–104.

29. Черный, С. Узаконенное любительство [Текст] / С. Черный // Сатира и юмор первой половины XX века. – М.: Дрофа, 2002. – С. 115–120.

Bibliograficheskiy spisok

1. Averchenko, A. T. Pojema o golodnom cheloveke [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 151–155.

2. Averchenko, A. T. Russkie v Vizantii [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 188–191.

3. Averchenko, A. T. Russkoe iskusstvo [Tekst] / A. T. Averchenko // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 184–187.

4. Aminado, D. Vseobshhaja perepis' [Tekst] / D. Aminado // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 246–247.

5. Aminado, D. Otkrytoe pis'mo doktoru Nansenu [Tekst] / D. Aminado // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 258–260.

6. Bulgakov, M. A. Master i Margarita [Tekst] / M. A. Bulgakov // Belaja gvardija; Master i Margarita. – Minsk : Uradzhaj, 1988. – S. 16–270.

7. Vodolazkin, E. G. Lavr [Tekst] / E. G. Vodolazkin. – M.: Redakcija Eleny Shubinoj, 2013. – 448 s.

8. Dovlatov, S. D. Remeslo [Tekst] / S. D. Dovlatov // Sbornie sochinenij v 4 t. T. 3. – SPb.: Izdatel'skij Dom «Azбуka-klassika», 2007. – S. 7–212.

9. Zoshhenko, M. M. Sobachij njuh [Tekst] / M. M. Zoshhenko // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 313–315.

10. Il'f, I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev [Tekst] / I. A. Il'f, E. P. Petrov // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1992. – S. 4–304.

11. Il'f, I. A., Petrov E. P. Zolotoj telenok [Tekst] / I. A. Il'f, E. P. Petrov // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1992. – S. 306–620.

12. Rubina, D. Villa «Uteshenie» [Tekst] / D. Rubina // Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome. – M.: Jeksmo, 2011. – S. 483–504.

13. Rubina, D. Russkaja kanarejka. Golos [Tekst] / D. Rubina. – M.: Jeksmo, 2014. – 512 s.

14. Sahnovskij, I. F. Katastrofa tela [Tekst] / I. F. Sahnovskij // Nelegal'nyj rasskaz o ljubvi. – M.: Astrel', 2009. – S. 224–231.

15. Stepnova, M. L. Bezbozhnyj pereulok [Tekst] / M. L. Stepnova. – M.: AST, 2014. – 384 s.

16. Stepnova, M. L. Zhenshhiny Lazarja [Tekst] / M. L. Stepnova. – M.: AST, 2012. – 444 s.

17. Terehov, A. M. Babaev [Tekst] / A. M. Terehov // Jeto nevyynosimo svetloe budushhee. – M.: Ast-rel', 2009. – S. 7–204.

18. Tjeffi, N. A. Kogda rak svistnul [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 33–37.

19. Tjeffi, N. A. Modnyj advokat [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 29–32.

20. Tjeffi, N. A. Francuzskij roman [Tekst] / N. A. Tjeffi // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M.: Drofa, 2002. – S. 84–87.

21. Chernyj, S. «Aida» v Zhitomire [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 99–101.
22. Chernyj, S. Večer jumora [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 101–103.
23. Chernyj, S. Dnevnik rezonera [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 88–99.
24. Chernyj, S. Nachalo sezona [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 111–113.
25. Chernyj, S. Priskorbnyj sluchaj [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 139–142.
26. Chernyj, S. Rukovodstvo dlja gg. priezzhajushhih v Moskvu [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 104–105.
27. Chernyj, S. Rukovodstvo dlja flirta v kvartire [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 105–106.
28. Chernyj, S. Sovety nachinajushhim kritikam [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 103–104.
29. Chernyj, S. Uzakonnenoe ljubitel'stvo [Tekst] / S. Chernyj // Satira i jumor pervoj poloviny HH veka. – M. : Drofa, 2002. – S. 115–120.
11. If I. A., Petrov E. P. Gold calf // Twelve chairs; Gold calf: Novels. – M. : Khudozhestvennaya Literatura, 1992. – P. 306–620.
12. Rubina D. Villa «Consolation» // Complete collection of stories in one volume. – M. : Eksmo, 2011. – P. 483–504.
13. Rubina D. Russian canary. Voice. – M. : Eksmo, 2014. – 512 p.
14. Sakhnovsky I. F. Tragedy of a body // Illegal story about love. – M. : Astrel, 2009. – P. 224–231.
15. Stepnova M. L. Bezbozhny Lane. – M. : ACT, 2014. – 384 p.
16. Stepnova M. L. Lazar's Women. – M. : ACT, 2012. – 444 p.
17. Terekhov A. M. Babaev // This insufferably bright future. – M. : Astrel, 2009. – P. 7–204.
18. Taffy N. A. When cancer whistled // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 33–37.
19. Taffy N. A. Fashionable lawyer // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 29–32.
20. Taffy N. A. French novel // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 84–87.
21. Cherny S. «Aida» in Zhytomyr // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 99–101.
22. Cherny S. Evening of humour // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 101–103.
23. Cherny S. Diary of the moralist // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 88–99.
24. Cherny S. Beginning of the season // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 111–113.
25. Cherny S. Grievous incident // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 139–142.
26. Cherny S. Manual for those who come to Moscow // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 104–105.
27. Cherny S. Manual for flirtation in the apartment // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 105–106.
28. Cherny S. Advice to the beginning critics // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 103–104.
29. Cherny S. The legalized amateurism // Satire and humour of the first half of the XX century. – M. : Drofa, 2002. – P. 115–120.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.09.2017
Дата принятия статьи к печати: 09.11.2017